

Парад, который стал легендой*

Воспоминания и документы

Елена Сеньявская

Захватчики стояли у самых ворот столицы, им казалось, что Москва вот-вот будет взята. Гитлер на весь мир объявил, что 7 ноября устроит парад на Красной площади, что именно в этот день победоносные германские войска пройдут по еще одной покоренной столице Европы; уже были отпечатаны и разосланы пригласительные билеты. И парад состоялся. Но не гитлеровские, а советские войска прошли торжественным маршем мимо стен Кремля.

Это был необычный парад. Вся подготовка к нему проходила в обстановке строгой секретности. Членам Политбюро, секретарям ЦК, командующим родами войск и другим высшим военачальникам о предстоящем пара-

де было сказано только перед торжественным заседанием Моссовета по случаю 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, которое состоялось вечером 6 ноября 1941 г. в зале станции метро «Маяковская» вскоре после отбоя воздушной тревоги.

Командиры частей, принимающих участие в параде, о том, что он состоится, узнали в 23 часа. Для подготовки у них оставалась одна ночь. Чтобы ввести противника в заблуждение, парад назначили не на 10 час., как обычно, а на 8 час. утра. Поздно ночью началась раздача пропусков на Красную площадь. С 5 час. утра к Кремлю стали стягиваться колонны войск¹.

СЕНЯВСКАЯ Елена Спартаковна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета, действительный член Академии военных наук. *E-mail:* senyavsky@mtu-net.ru

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военный парад 7 ноября 1941 г., Москва, Красная площадь, моральный дух народа и армии.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 11-01-00363а.

«Такие меры секретности понятны. Если бы гитлеровцы узнали, что в Москве будет парад, что на трибуне Мавзолея соберутся все высшие руководители государства во главе с И. В. Сталиным, они не пожалели бы никаких усилий и пошли бы на любые жертвы, чтоб нанести бомбовый удар и уничтожить одним махом руководство страны. Немцы узнали об этом – но слишком поздно»².

Принимал парад заместитель наркома обороны СССР Маршал Советского Союза С. М. Буденный, командовал парадом командующий войсками Московского военного округа генерал-лейтенант П. А. Артемьев. После рапорта командующего парадом и объезда войск с речью к войскам и народу страны обратился Председатель Государственного Комитета Обороны, Верховный Главнокомандующий и нарком обороны СССР И. В. Сталин.

«Торжественный марш войск на Красной площади открыли курсанты артиллерийского училища. С развернутыми знаменами, под боевые революционные марши, исполняемые оркестром штаба МВО под управлением Василия Агапкина – автора знаменитого „Прощания славянки“, шли по главной площади страны артиллеристы и пехотинцы, зенитчики и моряки. Потом по Красной площади двинулись конница, знаменитые пулеметные тачанки, прошли танки Т-34 и КВ»³.

Всего в параде участвовало около 28,5 тыс. чел., 140 артиллерийских орудий, 160 танков и 232 машины⁴. Из-за плохой погоды (сильный снегопад, пурга, ограниченная видимость) в параде не приняла участия авиация, хотя было подготовлено 300 самолетов⁵. Время проведения парада, согласно расчету, составило 61 мин. 20 сек.

В те тревожные для страны и столицы дни репродукторы не выключались на ночь, по радиосети передавались важные сообщения, сигналы воздушной тревоги и отбоя. Поэтому около 8 утра во всех домах, на всех заводах и фабриках

из уличных репродукторов прозвучали привычные по прежним праздникам, но в тот день хоть и долгожданные, но неожиданные слова: «Говорят все радиостанции Советского Союза. Центральная радиостанция Москвы начинает передачу с Красной площади парада частей Красной Армии, посвященного 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции...»

На гостевых трибунах по обе стороны Мавзолея помимо рабочих и служащих находились аккредитованные в столице корреспонденты иностранных газет. Так что весть о параде разнослась по всему миру³. «В тот день в мире не было важнее новости, чем новость о параде. Москва стояла крепко, правительство не бежало на Урал, как об этом твердили вражеские распространители слухов, оно было в столице и твердо руководило обороной страны. Это несказанно радовало советских людей и наших друзей. А в стане врага было полное замешательство»⁶.

«Наш полк участвовал в параде, – писал своей подруге 7 ноября 1941 г. боец Евгений Хесин, добровольцем ушедший на фронт со студенческой скамьи. – День сегодня холодный, снежная пурга. Вышли мы в 5 часов утра, еще было темно и пусто на суровых улицах теperешней Москвы. Только флаги напоминали о празднике. Вообще, кроме флагов и нескольких портретов, ничего нет... Парад начался в 9 часов (мы здорово уже успели продоргнуть) речью Сталина, из которой я уловил лишь очень меткое сравнение с 1918 годом. Ну, а потом прошли мы мимо трибуны, где были Сталин, Буденный и другие»⁷.

Над Москвой нависли свинцовые тучи. Падал густой снег. А по площади шли бойцы в походной форме, в руках – винтовки, за плечами – вещевые мешки. Вслед за полками и батальонами, прибывшими с фронта, находившимися в Москве или направленными из фронтовых тылов для участия в параде, прошагал полк народного ополче-

ния. Прямо с Красной площади воины уходили на фронт. Это был парад мужества, отваги и веры в Победу. Парад-символ. Парад-легенда.

О том, как именно проходила подготовка к параду и какие чувства вызвал он у советских людей, свидетельствуют документы и рассказы очевидцев.

Парад 7 ноября 1941 года в воспоминаниях и документах

Наше дело правое – победа будет за нами!

*Из выступления И. В. Сталина
по случаю 24-й годовщины Великой
Октябрьской социалистической революции
на торжественном заседании Моссовета
с партийными и общественными
организациями г. Москвы.
6 ноября 1941 г.
Станция метро «Маяковская»*

Война дело трудное. Не только в бою. Не только в тылу. Но еще на одном участке – самом трудном. Это участок равно уязвимый и на фронте, и в тылу. Это участок сознания. Участок, который должен быть еще более неприступен, чем дот, еще более крепок, чем крепость, еще крепче защищен, чем форт. Ибо и враг, подбирающийся к нему, самый страшный: тот враг, который парализует деятельность. Сковывает холодом грудь. Останавливает биение сердца. Растерянность, сомнение, неуверенность. Не допускать этого врага в твердыни нашего духа, не допускать его до великого народного сознания.

Неуклонная вера в победоносность нашего правого дела – вот светоч той убежденности, вернейший залог победы, который приведет к ней. И на этом пути сверкают незабываемые слова Сталина.

Нам говорил Сталин. Из воспоминаний кинорежиссера С. М. Эйзенштейна // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. VIII. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–4.

Из воспоминаний командующего Московским военным округом генерал-полковника П. А. Артемьева

В последних числах октября, выслушав очередной доклад об укреплении Московской зоны обороны, И. В. Сталин поинтересовался, собираемся ли мы готовиться к параду войск московского

гарнизона в ознаменование 24-й годовщины Октябрьской революции. Сославшись на обстановку, я высказал сомнение в целесообразности проведения этого парада. Кроме того, участвовать в параде могла только пехота, так как артиллерийские части стояли на огневых позициях, а танков вообще не было в гарнизоне.

Указав на недооценку нами политической значимости этого мероприятия, И. В. Сталин приказал: парад 7 ноября провести, артиллерию с помощью начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника Н. Д. Яковлева найти, танки найти тоже. Было решено: о подготовке к параду никто, за редким исключением, не должен знать до исхода дня 6 ноября. Принимать парад было поручено С. М. Буденному. Командование парадом возлагалось на меня, предусматривались мероприятия на случай налета вражеской авиации на Москву во время парада.

На следующий день после этого разговора мы с А. С. Щербаковым стали поодиночке вызывать командиров частей, которые должны были участвовать в параде. В их число входили: батальон курсантов училища им. Верховного Совета РСФСР, Военно-политическое училище МВО, части одной из стрелковых дивизий, формируемой главным образом из призывников Москвы и области, стрелковый и кавалерийский полки дивизии НКВД им. Дзержинского, батальон бывших красногвардейцев – участников Октябрьской революции, два артиллерийских полка Московской зоны обороны, два танковых батальона из резерва Ставки и некоторые другие части. Мы сообщили командирам, что москвичам очень хочется посмотреть на воинские части, отправляющиеся на фронт. Поэтому Военный совет зоны предполагает примерно в середине ноября провести в районе Крымского моста небольшой военный парад. Так как времени остается очень мало, надо обратить особое внимание на строевую подготовку и стрельбу.

– Уж вы постарайтесь, товарищи, – говорил А. С. Щербаков командирам частей.

Битва за Москву. М., 1966. С. 116.

Из воспоминаний Маршала Г. К. Жукова

1 ноября 1941 г. я был вызван в Ставку.

И. В. Сталин сказал:

– Мы хотим провести в Москве, кроме торжественного заседания по случаю годовщины Октября, и парад войск. Как вы думаете, обстановка на фронте позволит нам провести эти торжества?

Я ответил:

– В ближайшие дни враг не начнет большого наступления. Он понес в предыдущих сражениях серьезные потери и вынужден по-

полнять и перегруппировывать войска. Против авиации, которая наверняка будет действовать, необходимо усилить ПВО и подтянуть к Москве истребительную авиацию с соседних фронтов.

Как известно, в канун праздника в столице на станции метро «Маяковская» было проведено торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а 7 ноября на Красной площади состоялся традиционный военный парад. Бойцы прямо с Красной площади шли на фронт.

Это событие сыграло огромную роль в укреплении морального духа армии, советского народа и имело большое международное значение. В выступлениях И. В. Сталина вновь прозвучала уверенность партии и правительства в неизбежном разгроме немецко-фашистских захватчиков <...>

*Жуков Г. К. Воспоминания и размышления.
В 3 т. М., 1987. Т. 2. С. 239.*

Речь И. В. Сталина на параде Красной Армии на Красной площади в Москве. 7 ноября 1941 года

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, рабочие и работницы, колхозники и колхозницы, работники интеллигентного труда, братья и сестры в тылу нашего врага, временно попавшие под иго немецких разбойников, наши славные партизаны, разрушающие тылы немецких захватчиков!

От имени Советского правительства и нашей большевистской партии приветствую вас и поздравляю с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Товарищи! В тяжелых условиях приходится праздновать сегодня 24-ю годовщину Октябрьской революции. Вероломное нападение немецких разбойников и навязанная нам война создали угрозу для нашей страны. Мы потеряли временно ряд областей, враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы.

Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неудачи, наша армия и наш флот героически отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна – вся наша страна, – организовалась в боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков.

Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении. Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей стра-

ны находились в руках иностранных интервентов. Украина, Кавказ, Средняя Азия, Урал, Сибирь, Дальний Восток были временно потеряны нами. У нас не было союзников, у нас не было Красной Армии, – мы ее только начали создавать, – не хватало хлеба, не хватало вооружения, не хватало обмундирования. 14 государств наседали тогда на нашу страну.

Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы.

Теперь положение нашей страны куда лучше, чем 23 года назад. Наша страна во много раз богаче теперь и промышленностью, и продовольствием, и сырьем, чем 23 года назад. У нас есть теперь союзники, держащие вместе с нами фронт против немецких захватчиков.

Мы имеем теперь сочувствие и поддержку всех народов Европы, попавших под иго гитлеровской тирании. Мы имеем теперь замечательную армию и замечательный флот, грудью отстаивающие свободу и независимость нашей Родины. У нас нет серьезной нехватки ни в продовольствии, ни в вооружении, ни в обмундировании.

Вся наша страна, все народы нашей страны подпирают нашу армию, наш флот, помогая им разбить захватнические орды немецких фашистов.

Наши людские резервы неисчерпаемы. Дух великого Ленина и его победоносное знамя вдохновляют нас теперь на Отечественную войну так же, как 23 года назад.

Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?

Враг не так силен, как изображают его некоторые перепуганные интеллигентки. Не так страшен черт, как его малюют.

Кто может отрицать, что наша Красная Армия не раз обращала в паническое бегство хваленые немецкие войска?

Если судить не по хвастливым заявлениям немецких пропагандистов, а по действительному положению Германии, нетрудно будет понять, что немецко-фашистские захватчики стоят перед катастрофой. В Германии теперь царят голод и обнищание, за 4 месяца войны Германия потеряла 4 с половиной миллиона своих солдат, Германия истекает кровью, ее людские резервы иссякают, дух возмущения овладевает не только народами Европы, подпавшими под иго немецких захватчиков, но и самим германским народом, который не видит конца войны.

Немецкие захватчики напрягают последние силы. Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще

несколько месяцев, еще полгода, может быть, годик, – и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений.

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки!

На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков.

На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей.

Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая.

Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!

Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

За полный разгром немецких захватчиков!

Смерть немецким оккупантам!

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина – вперед к победе!

И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. , 1952. С. 37–40.

**Из записи беседы с комендантом г. Москвы
генерал-майором К. Р. Синиловым
и подполковником Гребенщиковым.
31 августа 1942 года.**

Тов. СИНИЛОВ. Когда готовились к параду, все казалось чрезвычайно сложным – время было такое, но когда это кончилось, сейчас кажется ничего особенного не было. В такой обстановке вообще никто не помышлял о параде, хотя народ чего-то ждал, гадали – будет или не будет парад. За несколько дней нам было известно о том, что предполагается парад. Его нужно было готовить так, чтобы об этом никто, не знал. Сложность вся заключалась в том, что мало времени было. Обычно на подготовку к параду затрачивалось в мирное время полтора-два месяца, а тут за несколько дней надо было подготовиться, и так, чтобы не знали, что это подготовка к параду. Даже непосредственные участники не знали, что они готовятся к параду.

Задача заключалась в том, что надо было специально готовить оркестры. Оркестров не было. Многие выехали. Нужно было их собрать, а раз собрать, то и какую-то задачу поставить. Части

в порядке усиления боевой подготовки готовились, а оркестрам надо было сказать, чтобы они разучивали марши, а не какие-то фокстроты, вальсы или увертюры.

Примерно в первых числах ноября было сказано командующим округом Артемьевым о том, что, возможно, будет парад. Я считал, что задача очень важная, ответственная и что время слишком ограниченное. В мирное время, в нормальных условиях немислимо было думать о таких сроках. Но война со сроками не считается и поэтому задача должна была быть выполнена во что бы то ни стало. Все мысли, все действия были направлены к тому, чтобы подготовить [парад]. Я и бригадный комиссар Филинов чувствовали всю ответственность, знали, что это будет необычный парад. Он должен явиться особой демонстрацией, с тем чтобы показать здесь, в непосредственной близости к фронту, наши силы и показать врагу, на что мы способны.

Задача еще усложнялась тем, что раньше кадровые части готовились к параду, а тут не было постоянных кадровых частей. В параде участвовали части, которые не так давно формировались. Парад был подготовлен неплохо. В последнюю ночь было сказано командирам, которые участвовали в этом параде: состоится парад и вот ваше место для построения. В ночь с 6-го на 7-е каждый посмотрел свое место. В 2 часа ночи было сообщено, что парад начнется в 8 часов утра. Время с 2 часов ночи до начала парада потребовалось для того, чтобы командиры возвратились в части и вывели части на площадь.

На параде, как и в мирное время, были представлены все рода войск. Была предназначена и авиация к параду, но помешала погода. Принимали участие пехота, конница, артиллерия, танки различных систем, включая мощные танки КВ, моряки, войска НКВД и рабочие батальоны, которые тогда формировались. Было 20 с лишним батальонов. Единственно, чем внешне отличался парад, это отсутствие демонстрации. Чувствовалось, что это происходит в условиях войны, по всему: и по вооружению, и по обмундированию, и по той суровости, которая видна была у всех. Этот парад вызвал большой восторг у всего народа. В мирное время это было традицией, а во время войны он был неожиданностью и придал празднику большую торжественность. Подъем у народа и у войск был необычайный, какой-то суровый. Это, видимо, можно было объяснить обстановкой.

Прошло все хорошо. Не думали даже, что так пройдет. Несколько помешала, а вместе с тем и кое в чем поспособствовала погода. Если бы была хорошая погода, конечно, парад прошел бы еще лучше. Но выпал снег, метель была, все обледенело, скользко было, и все это создавало трудности. Но зато эта погода помогла тем, что воспрепятствовала налету. Мы, готовясь к параду, рассчитывали

на самое худшее. Поэтому были подготовлены средства ПВО – как пассивные, так и активные. Была подготовлена авиация для отражения возможного нападения.

Очень скользко было. Особенно это мешало артиллерии. Подъем на площадь тогда причинил много бед. Ночью все было посыпано песком, но утром поднялся ветер с метелью, выпал снег и пескa на подъемах не оказалось. Артиллерии на механической тяге было нелегко преодолевать этот подъем... Некоторые орудия и материальная часть буксовали. Пришлось живой силой оказывать содействие. Я поднялся на Мавзолей и доложил командующему Артемьеву, что материальная часть буксует и не может взять подъема. Тут же был Сталин и члены правительства. Мне было дано указание принять все меры, чтобы артиллерию протолкнуть. Это было сказано Буденным, Артемьевым, а они, очевидно, соответствующие указания получили. И артиллерия пошла. Выделили часть живой силы и кое-где прямо на себе выносили.

Точно так же с танками. Для некоторых танков создалась угроза на этих подъемах. Их пустили на больших скоростях, и они пошли. И то некоторые буксовали. У нас было необходимое количество тягачей и быстро принимались необходимые меры.

Трудно передать чувство, которое было тогда. Когда кончился парад, чувствовался небывалый подъем, восторг всего народа. Всем участникам парада была вынесена благодарность. Было дано распоряжение выдать народу по 100 г водки.

Я внизу пропускал парад, был и на подъемах, проездах, был у самого Мавзолея. Хотя у меня везде были поставлены ответственные люди, каждый знал, что ему делать, однако мне приходилось бывать всюду. Я разговаривал с командующим округом. Он выразил личное удовлетворение. Об этом параде можно было сказать очень многое. Можно было сказать о том, как переживал каждый из нас, о подготовке, о самом параде, о том, что после парада было. Я человек новый тогда был. Меня назначили 19 октября, так что времени было очень немного до парада. Люди, которые находились здесь по несколько лет и готовили в мирное время парады, не верили в это и после парада не могли понять, как это могло случиться, что в несколько дней подготовили парад, что он так хорошо прошел, без особых происшествий. Заявление, например, Гребенщикова, моего заместителя, который все парады раньше готовил. На этом параде на нем очень многое лежало.

В этот день не было налета. 6 ноября был налет серьезный.

До парада я получал много писем от народа. В них давались различные советы в организации порядка в городе, были различные предложения о том, как организовать оборону, какие средства использовать, проекты различные были. От некоторых писем веяло неуверенностью, в некоторых чувствовалось, что вряд ли мы мо-

жем удерживать Москву. В некоторых даже указывали, – правда, таких писем было очень немного, – чтобы не подвергать опасности детей и стариков, нельзя ли было бы вообще не удерживать Москву, не оказывать сопротивления. После парада я не получил ни одного такого письма. Наоборот, писали о том, что надо защищать Москву, силы у нас есть, уверенность у нас есть.

<...> Я сам показывал на параде место, где кто будет стоять. Предварительно надо было составить расчеты. Это было до 2 часов ночи. У нас и сейчас должен остаться план, схема, где кто стоял, какая часть, какое соединение. Вызывал я сюда командиров частей, в частности, был генерал-лейтенант Мишулин, генерал-майор Лебедев, генерал Марченко. Они приходили сюда дня за три до парада. Говорили с ними о подготовке, о том, чтобы меньше шума было.

Я выехал отсюда 7-го, в 6 часов. Темно было, метель. Еду и вот на Сретенке догоняю какую-то часть. Невозможно проехать. Все в снегу идут, ноги скользят, но чувствуется сила, подъем. Шагают очень хорошо, смело, уверенно. Москва еще спала. Тишина. Никто не подозревал, не думал, что будет парад. Выводили людей на Красную площадь с разных направлений за 8–10 минут до начала, чтобы они не находились долго на Красной площади. Больше всего тревожили танки, потому что они шума много делают. Я проехал по улице Горького. Танки стоят! От гостиницы «Москва» по улице Горького тянутся за площадь Маяковского. Никого нет. И вдруг стал показываться народ. Наши самолеты все-таки патрулировали, несмотря на такую погоду.

Подполковник ГРЕБЕНЩИКОВ. Парад был замечательный, несмотря на всю кратковременность его подготовки. Боевой парад был. Некоторые части прямо на фронт пошли после того, как посмотрели, послушали Сталина.

Обычно мы готовили парад полтора-два месяца и за полтора месяца уже рассылали частям приказ о том, что нужно готовиться, кто будет участвовать, сколько, где будут строиться, каким строем проходить, кто будет вести, как одеты будут, здесь же нам было известно буквально за два дня, а частям и этого не было известно. 6-го числа было приказано явиться сюда на инструктаж, дали указания, кто где будет строиться, когда проходить и т. д. Предварительно генерал вызвал их и сказал, что надо немножко подтянуться, но не было сказано, что это к параду. 6-го числа как раз мы созвали совещание и только его начали, как объявили о выступлении Сталина. Мы прервали совещание и прослушали речь. Люди как-то сразу иначе стали выглядеть.

На совещании были все командиры частей. Были генерал-лейтенант Мишулин, генерал-майор Лебедев, командир Московской ра-

бочей дивизии Кудряшев, командиры полков. Командирам частей были даны все указания. Время еще не было установлено. Они еще не знали, во сколько начнется парад. Было только сказано, что, возможно, он будет. И лишь ночью 7-го, в 2 часа, командующий известил нас лично, во сколько парад начнется. К площади подходили за 15–20 минут из казарм, а вытягивание на площадь было за 8–10 минут. Некоторые части даже за 2 минуты подходили. Буквально, встали – и начался парад.

Сам парад резко отличался от обычных парадов. Люди имели вещевые мешки с собой, походная форма была. Многие впервые были на этом параде. Очень многие никогда Сталина не видели, тем более не слышали. Сам торжественный марш описан в газетах. Прошел он выше чем на удовлетворительно, даже если придирааться, несмотря на то, что части не готовились. Обычно у нас ходят в строю по четверо, а здесь нужно было пройти по 20 человек – широким фронтом. Равнение трудно было держать, и, несмотря на это, части шли хорошо, и вид боевой был. Одеты были уже в зимнее обмундирование. Снег тут пошел. Он нам, правда, немножко мешал. Обычно мы линию намечали, а здесь ничего нет. Парад открылся, выехал Буденный. Сам командующий доложил о том, что войска Московского гарнизона в честь 7 ноября построены, объехал части и вернулся на Мавзолей. Затем Сталин начал говорить речь.

Я обычно исполняю обязанности стартера на выпуске частей, чтобы соблюдать их последовательность. Но тут все было на выпуске. Товарищ генерал несколько раз подходил, полковник Леонтьев, но я, как старый работник, возглавлял это дело. Я на другом фланге был, поэтому Сталина хорошо не видел, только слышал. Я как раз у Исторического музея был, откуда выходили части, даже те, которые стояли у Василия Блаженного.

Я уверен, что части, которые пошли на фронт, дрались в несколько раз лучше после того, как они услышали эту речь. После этого выступления появилась какая-то уверенность. Как ни говорите, противник был близко, всякие разговоры могли быть и т. д. А после этой речи как-то спокойней стало, уверенней. Выступления Сталина не ожидали. Сталин никогда не говорил на парадах. Это выступление было похоже на речь перед отправкой на фронт наших частей, особенно танкистов.

На параде был сводный танковый полк из нескольких частей – крупный, необычный полк. Это делалось для того, чтобы не мельчить. Машины были всяких наименований.

Я раньше себе не представлял, что можно за такой короткий период организовать такой парад. Раньше, например, академия у нас выходила, 5–10 парадов проводил начальник академии. Он все уже знает, у него каждый шаг размерен. Раньше командующий собирал всех, показывал: здесь будете стоять, здесь пойдете. Тут на

площади многие были впервые. Несмотря на это, парад прошел прекрасно. Длился он примерно часа полтора. Пехота прошла за 22 минуты, затем артиллерия.

Шли с улицы Куйбышева, часть с улицы Горького, с площади Революции. Мы обычно все ходы использовали, чтобы одновременно несколько частей заходило. Командующий не давал оценки парада, но после парада объявил благодарность всем частям. Это говорит за то, что парад удался.

Тов. СИНИЛОВ. Был один случай на параде. Парад уже кончался, шли последние два КВ. На этом парад должен был закончиться, они замыкали. И вдруг эти два танка, пройдя уже трибуну, повернули и пошли обратно. Это был случай исключительный, необычайный. Он взволновал нас, встревожил. В чем дело? Почему? Все шло хорошо – и вдруг два танка повернули обратно. Секрет заключался в том, что люди готовились для боя, и они были обязаны в случае получения по радио распоряжения о том, что остановился танк и требует помощи, где бы они ни находились, содействовать, помочь вынужденно остановившемуся танку. Так подготовлены были люди. И вот один танк не поднялся – скользко было, где-то забуксовал, остался, его не выпустили. Он по радио передал вынужденную остановку, а те, когда шли, получив это сообщение, забыли, что они на параде, думали, что в бою, и раз – повернули оказывать помощь вынужденно остановившемуся танку. Вот почему и получилась некоторая накладка на параде. Конечно, если бы они готовились к параду и думали только о параде, они этого не сделали бы. Но люди находились на параде, а думали о бое. Да и Сталин в выступлении призывал к этому, и они вернулись. Сначала думали их крепко наказать, но, когда все выяснилось, оказалось, наказывать не за что.

Конница у нас прошла лучше, стройнее, чем на параде до войны. Может быть, обстановка так подействовала. Шли они отлично. Самолеты готовы были лететь. Парад патрулировался, но в эту погоду ничего не было видно, только звуки были слышны. Только к концу парада погода немного улучшилась. Шел снег. От 6 до 7 часов была метель, да какая! Сильный ветер был. Мы сделали линию белую, но никаких линий не было видно, все замело. Эти линии мы провели в ночь с 6-го на 7-е, обычно же их наводили за неделю, а накануне подновляли. В мирных условиях кроме ежедневной подготовки с 5-го на 6-е или с 4-го на 5-е генеральная репетиция была. Прямо ночью тот же самый парад был в присутствии Буденного.

Днем 6-го числа я прослушал сыгранность оркестров в манеже, в Хамовниках Агапкин дирижировал. Часть маршей выбросил. Затем приехал Буденный, прослушал оставленные марши и те, кото-

рые были мной забракованы. Он согласился выбросить эти марши. Предупредил: может быть, потребуются.

Когда выехал командующий, я находился на левом фланге, если смотреть на памятник Минина и Пожарского. Он вышел от Никольских ворот, и его не видно было из-за снега. Он прошел значительное расстояние, и только тогда я его увидел, подал команду «Смирно», подошел с рапортом. Он вышел за пять минут и еще не все части вытянулись, а морячки немножко отстали. Я их подгонял. Это был флотский экипаж. Он тут же ушел на фронт.

Конница прекрасно прошла, пулеметные тачанки хорошо прошли. Несколько хуже прошли танки, потому что очень скользко было. В мирное время они поднимаются на определенной скорости, спокойно, а тут нужно было как можно быстрее идти, чтобы не забуксовать, а на большой скорости трудно держать равнение. С точки зрения подготовки условия были исключительно неблагоприятные. Коррективы внесены очень существенные этим парадом. Окажется, можно готовить парад в такой короткий срок.

После парада была объявлена благодарность всем участникам и выдали по 100 г. Люди выпили, пообедали и пошли на фронт. После парада произошел перелом в разговорах, настроениях, даже внешний перелом был заметен. То, что произошло в сознании, внутри каждого, нашло отражение в поведении. 7-го и в последующие дни народ стал совсем иным: веселый, смеющийся, жизнерадостный, улыбающийся, особая твердость появилась, уверенность. А до этого, прямо надо сказать, была некоторая молчаливость, а у нас это выражалось, помимо всего, в письмах. После парада был необыкновенный подъем, и эти люди убедились, что вряд ли их паршивенькие письмишки будут иметь какое-либо значение, поэтому таких писем не стало.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. X. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2, об.

Из справки-доклада военного коменданта г. Москвы генерал-майора К. Р. Синилова о прохождении парада 7 ноября 1941 года.

1. Объезд войск – 5 минут.
  2. Речь – 5 минут.
  3. Салют – 1 минута 20 секунд.
- Прохождение:*
4. Пехоты – 30 минут.
  5. Конницы – 3 минуты.
  6. Артиллерии на мехтяге – 5 минут.
  7. Танков – 10 минут.
- Всего: 1 час 1 минута 20 секунд.

Участвовало:

пехота – 69 батальонов, 19 044 человека;

ополченцы – 20 батальонов, 5520 человек;

конница – 6 сабельных и 1 тачаночный эскадроны, 546 человек;

танки – 146 единиц, 480 человек;

артиллерия – 140 орудий, 216 человек.

Парад, удививший мир // Ветераны Отчизны. [Электронный ресурс]. http://www.veteranland.ru/index_sect2_9.html

Из записи беседы с работником Сокольнического вагоноремонтно-строительного завода (СВАРЗ) П. С. Барковым. Сентябрь 1942 года

Я уверен: пройдет много лет, но мы, москвичи, которым выпало счастье присутствовать на торжественном заседании о ноября и на параде 6 ноября 1941 г., никогда не забудем этих дней. <...> Никогда не забудется особая торжественность и суровость этого первого парада периода войны.

1 мая 1941 г. я также был на Красной площади и теперь мог сравнить эти два парада. В рядах проходивших войск было больше деловитости, точно люди шли не на парад, а на боевое задание: взяли нужное оружие, оделись поудобней и пошли, не торопясь, но и не медля, обычным скорым шагом.

Незабываемо это утро: ряды защитников Родины, их строгие лица, мягкий снежок на шлемах и шапках и горячие слова Сталина, звучащие с Мавзолея над площадью, над Москвой – на весь мир.

Когда Сталин сказал, что враг не так силен, как его изображают перепуганные интеллигентники, что не так страшен черт, как его малюют – усмехнулась вся площадь. У меня, как и у всех, кто был на площади, сердце билось огромной гордостью. Я думал: вот рядом, под Москвой идут бои и многие из участников парада завтра будут драться с врагом. Враг напрягся до последнего. Он лезет на нашу Москву. А мы близ фронта организовали парад и не допустили ни одного самолета до столицы.

Тов. Сталин напомнил нам имена великих русских полководцев. И они прозвучали как призыв, как клич на борьбу за уничтожение оккупантов.

Взволнованные, возвращались мы с Красной площади.

Мы слышали Сталина. И мы понесли отсюда в дома и на заводы великую веру в силу советского народа, нашу уверенность в победе над озверелым врагом.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. X. Оп. 1. Д. 1. Л. 52–54.

Из записи беседы с секретарем парткома комбината
«Трехгорная мануфактура» В. А. Колосовой.
21 сентября 1942 года

<...> Перед тем как мы поехали на торжественное заседание, нам в райкоме партии сказали, чтобы мы сюда и вернулись. Мы думали: что может быть еще? После концерта направились в райком: я, директор, затем товарищи с Красной Пресни, с завода «Лакокраска». Думали: что такое еще будет? Приходим мы к секретарю райкома т. Уколину, и он нам вручает билеты на завтрашний парад – мне, директору и главному инженеру. Нам сказали, чтобы мы никому ничего не говорили, чтобы это оставалось в тайне. Мы обменялись мнениями только с главным инженером. Из райкома шли пешком, пришли только в 2 часа и сразу легли спать. Утром рано мы поднялись, часов так в 6, боялись, как бы не опоздать, как бы прийти первыми, чтобы занять места получше.

Пошли. Снег уже тогда начал падать. Нас не пускают – рано. Толкались мы, может быть, минут 45, потому что таких «первых», как мы, еще набралось много. Потом на площади дожидались минут двадцать.

Когда мы пришли на площадь, был там уже духовой оркестр, стояли войска. Затем выходят на трибуну все наши вожди. Здесь тоже аплодисменты раздались со всех сторон. Мы стояли очень хорошо, всех видели: были места в первом ряду, близко к трибунам.

Впечатление было опять очень большое. Затем началась между нами дискуссия, какие войска пойдут. Мы видели танки, танкетки, броневики, видели пехоту, морскую пехоту. Затем там стояла кавалерия.

Парад принимал Буденный. Он выезжал из Спасских ворот на своем коне. На нас произвел большое впечатление Шапошников. Он прошел мимо нас, шел тихо по состоянию своего здоровья. Здесь и остановился, недалеко от нас. После рапорта прогремело ура, такое перекаत्याющееся, началось вдали и потом все ближе и ближе – очень красиво было. И потом салют в Кремле.

Началось выступление т. Сталина. Оно было очень четко слышно, так как были большие усилители. Слушали чрезвычайно внимательно. Я смотрела на публику – кто как реагирует. Войска стояли как мертвые, не шелохнувшись, каждый боец слушал речь с большим вниманием и переживал это с большим волнением, как и весь народ.

Когда стихли аплодисменты после речи т. Сталина, начался парад. На меня особенно сильное впечатление произвели партизаны, ополчение, затем морская пехота, танки. Но все ждали самолетов, а их не было. Нет-нет да и посматривали, не покажутся ли

из-за Исторического музея самолеты, не вынырнут ли наши «ястребки» со своей смелостью и вольностью в полете. Но авиации не было, говорили, что это из-за метеорологических условий.

В общем, впечатление было громадное, так как парада никто не ожидал. Нужно сказать, что показали большую силу. Ведь идет война, а армии прошло очень много. Недели две я жила под впечатлением.

Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. X. Оп. 1. Д. 1. Л. 8–9.

Из обзора корреспонденции, обработанной военной цензурой г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 года

№ 1/1155

18 ноября 1941 г.

Совершенно секретно. Лично

Пунктами военной цензуры г. Москвы и Московской области с 1 по 15 ноября 1941 г. обработано 2 626 507 штук корреспонденции, или 100% к поступившей.

Из этого количества конфисковано 3214 штук и частично вычеркнут текст в 30 532 документах.

Просмотренная корреспонденция в абсолютном своем большинстве отражает положительные настроения населения.

В 75% обработанных документов отмечен особый подъем настроения, вызванный выступлением т. Сталина.

Москва, 1 п/отделение. До востребования. Величко М. Г.: «<...> Несмотря на близость фронта, Москва празднует великий праздник. 6.XI.41 г. состоялось заседание, где выступал с докладом великий Сталин. 7.XI.41 г. рано утром, состоялся замечательный воинский парад на Красной площади. Выступление т. Сталина с огромной убедительностью звучит о неизбежном разгроме гитлеровской Германии, о скорой победе нашей великой Родины <...>» (12.XI.41 г. Величко М.)

П/п ст. 1485, штаб армии, отдел 14. Попову Л. Н.: «<...> Слушали т. Сталина, и, знаешь, при всей трудности и грозности нашего положения, при неизбежности еще очень и очень тяжелых дней стало как-то легко, когда раздался голос т. Сталина. Он особенно успокоительно действует; при мысли, что с нами в Москве т. Сталин, сделалось легко и не так страшно <...>» (13.XI.41 г. Москва, 6-я Звенигородская ул., д. 8, кв. 6. Хаев В. Н.)

ДКА, 500 п/п, п/я 13. Кутузову Ф. С.: «<...> 6 ноября мы, москвичи, слушали речь нашего великого вождя т. Сталина, мы его

с воодушевлением слушали и надеемся, что враг будет разбит и победа будет за нами. И ты, родной мой, будь храбрым воином, береги священную землю нашего советского народа, не давай врагам пощады <...>» (11.XI.41 г. Москва, 48, Б. Пироговская, 51, кв. 409. Орлова.)

Боец действующей армии Шапиро А. В. (736-я полевая почтовая станция, п/я № 2) в письме от 7.XI.41 г. к жене, Шапиро Людмиле Никитичне, проживающей в Челябинске, по улице Ленина, писал: «<...> Слушал доклад великого Сталина. Трудно описать тебе радость, когда услышал голос родного и любимого вождя и Учителя. Ни разрывы снарядов и мин не могли помешать нам слушать этот замечательный доклад <...>»

Наряду с этим отмечены факты отрицательных настроений, связанные с затруднениями подыскания работы, снабжения продуктами питания и эвакуацией <...> Продолжает также поступать корреспонденция, в которой сообщается о закрытии 16 октября с. г. в г. Москве и области ряда предприятий. Таких документов было конфисковано 1670 <...>

Заместитель начальника Управления НКВД МО
майор государственной безопасности
Лынько.

Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 158–160.

Вместо заключения

Сегодня 7 ноября вновь включено в перечень праздничных дат нашей страны, хотя и в ином, нежели в СССР, качестве, – не как годовщина Октября 1917 года, а как День воинской славы России с точной формулировкой: «День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменование 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.)»⁸. Это название было установлено Федеральным законом РФ от 29 декабря 2004 г. № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О днях воинской славы (победных днях) России“»⁹.

В первоначальной редакции упомянутого Федерального закона РФ № 32-ФЗ от 13 марта 1995 г. 7 ноября значилось как «День освобождения Москвы силами народного ополчения под руководством Кузьмы Минина и Дмитрия Пожарского от польских интервентов (1612 год)»¹⁰. Эта вынужденная поправка, внесенная через 10 лет, свидетельствует о том, что попытка новой власти стереть из сознания и исторической памяти народа подлинный смысл этой даты так и не удалась. А отмечание освобождения Москвы от польских интервентов в далеком XVII в. тем же законом 2004 г. отодвинули на 4 ноября – объявив новый праздник День народного единства.

Вновь вспоминаются слова великого советского режиссера Сергея Эйзенштейна, написанные о тех памятных ноябрьских днях 1941 г. и поставленные в эпи-

граф к данной публикации. Это слова о самом страшном враге, подбирающемся к народному сознанию. Слова о том, что нельзя допустить этого врага «в твердыни нашего духа». Потому что «фронт не только там, на западе. Фронт – в каждом из нас»¹¹.

Тогда, в 1941 г., в самые тяжелые для Родины дни наш народ выстоял духовно, сделав первый и решительный шаг к Великой Победе, – оттуда, с заметенной снегом брусчатки Красной площади, с памятного парада 7 ноября.

Выстоим и теперь. Надежда есть, пока жива наша память.

Примечания

- ¹ Черноусов Б. Н. Москва сражающаяся // Война, народ, победа. 1941–1945. Статьи, очерки, воспоминания. М., 1976. Кн. 1. С. 82–83.
- ² Суворцев А. Парад, удививший мир // Ветераны Отчизны. [Электронный ресурс]. http://www.veteranland.ru/index_sect2_9.html
- ³ Дни воинской славы. [Электронный ресурс]. <http://www.sc45-nor.narod.ru/obg1.htm>
- ⁴ Парад 7 ноября 1941 года. // Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 527; Военная энциклопедия: в 8 томах. М., 2002. Т. 6. С. 256.
- ⁵ Кочуков А. Легендарный парад // Красная звезда. 2001. 6 нояб.
- ⁶ Праздник 7 ноября – День воинской славы России. День проведения военного парада на Красной площади в г. Москве в ознаменовании 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции (1941 г.). [Электронный ресурс]. <http://www.inmoment.ru/holidays/day-carrying-out-military-parade.html>
- ⁷ Музей боевой славы Исторического факультета МГУ. Личный фонд Е. Хесина-Лурье.
- ⁸ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России» (с изм. от 22 августа 2004 г., 29 декабря 2004 г., 21 июля 2005 г., 15 апреля 2006 г., 28 февраля, 24 октября 2007 г., 10 апреля 2009 г., 31 мая 2010 г., 23 июля 2010 г., 29 ноября 2010 г.). Действующая редакция. // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=107343>
- ⁹ Федеральный закон от 29.12.2004 № 200-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона „О днях воинской славы (победных днях) России“» // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=50974#p22>
- ¹⁰ Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных Днях) России». Недействующая редакция // СПС «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=5978#p23>
- ¹¹ Нам говорил Сталин (из воспоминаний кинорежиссера С. М. Эйзенштейна) // Научный архив Института российской истории РАН. Ф. 2. Разд. VIII. Оп. 2. Д. 3. Л. 1–4.

**Подписка на 2012 г.
на журнал «Обозреватель – Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
36789 – на год**